

14 октября, в день Покрова Богородицы, свое 20-летие отмечает Российский детский фонд — организация взрослых защитников детства. Созданный еще при Советской власти, поддержанный партией и правительством, признавшими беззащитность “единственного привилегированного класса”, Фонд во главе с его бессменным лидером вынес все испытания — и временем, и переменами, и жестокостью реформ, не пощадивших и “малых сих”. Но — новые времена, новые заботы... Об этом — размышления члена нашего Общественного совета и давнего друга, председателя Российского детского фонда, известного писателя Альберта Лиханова.

АЛЬБЕРТ ЛИХАНОВ

И МИЛОСТЬ К ПАДШИМ...

В последнем обращении к Федеральному собранию президент произнес такие слова: “... духовное единство народа и объединяющие нас моральные ценности — это такой же важный фактор развития, как политическая и экономическая стабильность. Убежден, общество лишь тогда способно ставить и решать масштабные национальные задачи, когда у него есть общая система нравственных ориентиров”.

Можно лишь сожалеть, что в этом месте не прозвучали аплодисменты. Почему? Приняли это за красивый вводный пассаж? Не поняли сути — ведь это не экономический, не финансовый, не организационный, наконец, аспект, а чистой воды этический, духовный посыл, от чего такие залы давно отвыкли...

Между тем, может быть, даже впервые за годы своего пребывания во главе страны президент попытался обозначить то, без чего истинно достойная держава не может сдвинуться с места. Без чего немислимо никакое позитивное движение. То есть двигаться-то вообще можно, но куда — вот в чем весь вопрос. И ведь когда шагают или бегут назад или катятся кубарем с горы — это тоже, увы, движение. Мало кого утешающее.

Последние годы мы прожили без идеологии, признав за чем-то это понятие бранным. Однако есть вещи, которые, как их ни отменяй, не слушаются. А по простому здравому размышлению целую нацию оставляют без головы.

Вот, например, хочу спросить и вас, и себя: у нас есть единство народа? Или у нас есть объединяющие моральные ценности?

Сначала о единстве. В смысле материальном. Что объединяет какого-нибудь олигарха и бедствующего пенсионера? При этом олигархов несколько десятков, а пенсионеров — несколько десятков миллионов. Смею утверждать: ничего, кроме взаимной ненависти, между ними нет и не будет. И будет диким лукавством утверждать, что и тех, и других может объединять, к примеру, любовь к Родине. Что касается богачей, то они давно эту любовь уже конвертировали в дома за пределами Родины и свободу перемещения

(за рубеж, конечно!) упертого на Родине капитала. Что же касается бедных (и не старых), то, полагаю, их любовь к Родине тоже сильно поугасла, и если сможет проявиться в грядущих боях – моральных или физических, то, по моему, лишь стихийно, по исторической и генетической памяти, но не из убеждений и справедливости. Кого защищать-то? Богачей, которые смоются, когда станет тяжело, если уже не смылись?

А есть ли единство народа и власти? Как бы ни хулили недавнее прошлое наемные лицедеи от прессы, а особенно телевидения, прошлые цены на услуги ЖКХ – просто рай райский и истинная свобода для народа. Простенький вопрос на засыпку: почему государство предательски прячется в кусты и беспардонно врет, что 100-процентная оплата услуг за жилье при нищенских пенсиях, не достигающих прожиточного минимума, – важнейшая социальная программа? А по-моему, так просто практическое уничтожение своего народа. Неужто он не заслужил лучшей доли, молча согласившись с реформами, о которых его никто и не спрашивал. А депутаты высоких рангов, покупающие места в парламентах? А взятки на каждом, вплоть до детского сада, шагу? А шакальствующие инспектора ГИБДД на дорогах? А подкупной суд? А чинуши самого разного, в том числе самого мелкотравчатого рода, которые хамят тебе в любой без разбора конторе, не глядя даже тебе в глаза? Можно ли представить сегодня единство всего этого жадного, бездушного, подлого даже не с бедным, а просто небогатым, из всех сил выбивающимся трудягой? Да никогда!

Теперь о моральных ценностях. В чем они? Образование среднего качества еще бесплатно, а чуть что повыше да получше – гони монету. Медицина? Если доктор пока не берет, так аптека свое возьмет: ладно бы доктору от этого перепало, так этим кормятся какие-то незнакомые радетели. Культура? А ну-ка, попробуй купи дешевую книжку малышу! Своди его в театр! Самое легкое и дешевое – содержать его беспривязно у телевизора. Чего он из него наберется, другое дело, но что только такое образование доступно и легко – факт неоспоримый.

Что осталось? Пожалуй, религия. Вроде бы она способна соединить нас вместе, связать в единый, так сказать, веник. В деликатном деле этом мне не хотелось бы судить да рядить. В церковь я как раз хотел бы верить как в силу соединяющую. По крайней мере, я верю в истовых батюшек, вроде отца Леонида из поселка Рудничного родной мне вятской земли, который занят миссией сверхделикатной – учит раскаянию и искуплению людей, совершивших тяжкие преступления, и это у него получается. Но сжигает ведь он сам себя, сжигает! Потому, видать, Бог дал ему в сопровождение, что ли, странную, но нам-то, русским, понятную благодать – наделил его недюжинным поэтическим даром. Верю я и отцу Амвросию из Никитского храма Павлово-Посадского района Московской области, который придумал приют для брошенных детей, и несут ему, ведут и везут никому не нужных, кроме него, ребятишек, и он воюет с властями за право помогать этим ребятишкам.

Ох, много накопилось нестроений в России. Много потеряли. Многого не нашли, потому как не там и не то искали.

И вот той гармонии, о которой сказал президент, пока не имеем. Слов нет, трудно шивать кафтан, разодранный в клочья. Первому лицу державы не позавидуешь. А тут еще система ПРО в Центральной Европе, бывшем, но все сдавшем соцлагере. Таллин открыто провоцирует, кипит ненавистью Польша, вталкивая нам в желудки свое непотребное, невесть где перекупленное мясо, куражится Вашингтон, гуляя победою над разрушенным СССР. Господи, помоги нам все эти напасти одолеть!

Но без единства, в основе которого общие для всех моральные ценности, нам напасти эти не сломать.

Трудно этого единства добиться.

Неужели уже невозможно?

* * *

Всю свою жизнь и все свои книги я посвятил детству. Детству страждущему. Сейчас в России 750 тысяч несовершеннолетних сирот, из которых около 500 тысяч живут в семьях своей родни, а четверть миллиона – в государственных сиротских заведениях.

Собственный – Детского фонда – мониторинг, который он ведет с 1988 года (следующего за годом своего создания), показывает: за эти лета в сиротство выпали – точнее, опрокинулись, 1 миллион 700 тысяч детей, а из них почти миллион уже вышли из детских лет. И где они, что с ними – статистика не ведаёт. Лишь по отдельным историям можно, с большой, впрочем, долей уверенности, установить: многие и очень многие повторяют беспутность своих родителей, слабость внутренней, духовной защищенности, склоняются к пьянству, наркотикам, преступлениям. “Помогает” и государство: возвращенные казенками до совершеннолетия, многие, выйдя во взрослый мир, не имеют крыши над головой, не имеют профессиональной подготовки, работы, родственной души рядом и теряют смысл жизни.

Хочу сказать сразу и со всей определенностью: я не противник государственных сиротских заведений; напротив, особенно сейчас, когда существует установка – в короткие сроки раздать гражданам 70 000(!) детей из этих учреждений, и детдома и интернаты для сирот закрываются в массовом порядке. Но об этом – чуть позже.

* * *

Для меня давно более чем очевидно – дети, особенно их беды, – чистое зеркало, в котором отражаются мир, страна и народ, его состояние, да и вообще его сущность. Мониторинг Детского фонда, на который я сослался, свидетельствует: сиротство как социальный фактор был в Советском Союзе, есть он и в новой России, как сохранился и в странах СНГ. Главный мотив сиротства – прежний: редко – гибель родителей, часто – их тяжелое пьянство, родительские преступления, в результате которых они оказываются в колониях. Из новых примет: низкая профессиональная готовность родителей к новой жизни; увольнения и безработица; бомжатничество как социальное явление; наркомания взрослых; мнимые детские свободы, когда, попрошайничая в большом городе, можно за пару дней собрать столько же, сколько получает бабушка-опекун за месяц в качестве пенсии. И свобода – не ходить в школу, не слушать учительских нотаций.

* * *

Но и это – еще присказка. Сказку же можно обозначить словами “духовное единство” и “моральные ценности”. Смее утверждать – у нас нет ни того, ни другого. Люди разобщены. Нет идеи, их соединяющей, хотя бы на уровне отношения к собственным детям. Лозунг советских времен, во многом в ту пору реально осуществленный, и это надо признать, – “дети наш единственный привилегированный класс” – сейчас утратил всякий смысл. В лучшем случае дети обращены в раздел частной собственности. Состоятельные родители “инвестируют” в своих детей накопленные средства, возят их в частные детские сады, потом в частные школы, обучают языкам за границей, лечат – за дополнительные средства – у особых специалистов, “организуют” хорошие аттестаты и дипломы, нормой стали не только платные западные университеты, но и “обычные” лагеря и летние школы в кругу своих “одноклассовых” сверстников где-нибудь, например, в Швейцарии. Родители таких детей применительно к детям иных, скажем мягко, социальных групп местоимения “наши” не применяют.

Увы, увы, сближения здесь не предвидится. Дети бедных – не ровня, с ними не следует общаться, от них нечему научиться. Но господа! Мы это уже проходили! И не только мы! Зачем возвращаться в этот социальный зооград, где человек человеку враг и бедный богатого не понимает? Западная политология считает безусловным влияние социализма на капитализм: смягчение там межклассовых противоречий, уступки богатства бедности, внедрение всевозможных инструментов материального выравнивания, как, например, известное немецкое народное акционирование (совладение) крупнейших и богатейших предприятий с получением рабочими солидных, дополнительных к зарплате, средств от общей прибыли! У нас кое-где это попробовали. Но

вместо дивидендов соблазнили народ скорым выкупом акций, грошовой подачкой – и тотальной приватизацией. И закон этому не помешал, сделав бедных беднее, а богатых богаче.

Что-то мы знаем о разлагающем смысле чьих-то прибылей, рождающих чью-то бедность. Что-то не знаем. Но вполне очевидна разлагающая их суть, и разрушает она те самые моральные ценности, которыми была сильна Россия. Разве великий драматург Алексей Николаевич Островский не создал истинную энциклопедию добра и зла, любви и ненависти, милосердия и отчужденности, основанную на противостоянии бедности и богатства, чести и бесчестия. А Чехов? А Достоевский? Горький, наконец!

Неужели все эти великие уроки прошли для нас попусту, и мы, как двоечники, единственно к чему готовы, так к повторению пройденного – и не лучшего пройденного?

* * *

Межчеловеческие, личностные отношения возникают именно в детстве. Урок зла, выученный в нежном возрасте, открывает ворота во зло, а урок добра обучает добру и в ответ откроет добро. Но у нас, в Фонде, что ни история, то беда – непоправимая даже в самом благополучном взрослом итоге. Ну вот, к примеру: сожитель убивает топором мать на глазах у пятилетнего неумышленныша, а у того – никого больше. На кого ему надеяться и рассчитывать – на воспитателей в детском доме? Но они, пусть самые добрые, приходят на работу по сменам – придет, уйдет, и как ни стараются – а это далеко не везде и не всегда – разве мать заменят? И вот тянется этот хилый человечек, бледный, как картофельный росточек в подвале, улыбается беззащитно, влечется – к своим, к чужим, – ведь дитя всегда надеется на лучшее, а ему – раз, раз! – по душе. Или обзовут сиротой, беспризорщиной, или – хуже того! – возьмут в дети, а узнают, что у него энурез, и обратно в детдом: мол, не тот ребенок, подберите другого. Одоление боли, посеянной в детстве, одиночества, никомуненужности – тягостный труд, и самое пустое в его оценке – уповать только на воспитателей, на деньги, которые дает государство, чтобы одеть, обути, накормить, выучить и вылечить маленького изгоя. Именно, что весь мир к ним должен быть обернут. Почему о милости к падшим, в том числе падшим в детстве, и не по своей воле, предпочитает не говорить школа! И семья! В лучшем случае, бабушка, а то и прабабушка что-нибудь произнесет назидательное, да кто этих бабушек сегодня чтит по-настоящему, всем сердцем! В лучшем случае: “Молчи, старая, ты из другой эры!”

* * *

И вот здесь я хочу приблизиться к этой “другой эре”.

Повидав, и повидав немало, в домах ребенка, детских домах и школах-интернатах, создав систему *семейных детских домов*, получил я года два тому назад письмо от о. Амвросия, настоятеля храма великомученика Никиты из Павлово-Посадского района Московской области. Просил он о помощи, но прежде – сердечно и с любовью рассказал о судьбах детей, которых он принял в приют при своей церкви. Мы помощь быстро собрали, поехали в “Детский корпус” Никитского храма.

Владея темой сиротства и беспризорничества, я оказался душевно тронут стихийным новаторством этого приюта.

У каждого из почти 30 “никитских” ребят свой “роман”. И почти всякий раз попасть в “казенку” без правонарушения – не получалось. Мы с батюшкой обошли приют. У младших – полный рай и красота. У тех, кто постарше, – посуровее. Комиссии, которые стали налетать на приют, как черные коршуны, установили, что маловато туалетов – действительно, чтоб сразу 30 ребят сели на толчок, этого нет, не спорю. Может быть, возможны и другие замечания – вполне вероятно.

Но комиссии, которые инициировала прокуратура, ни разу не заметили некоторых деталей. Например, девочке, у которой не было свидетельства о

рождении, приют и без него отметил день ее ангела, одним только этим, бесспорно, повысив ее психологический статус, внушив ей такое необходимое и такое простое – ее нужность. Но это комиссиям не в счет.

Не в счет им, что дети любимы матушками. Чтобы “утешить” государство, каждая из них оформила опеку или попечительство над 5–7 детьми. Но по этим правилам детям нужно жить в доме у матушки, а не в приюте. Но ведь дом-то матушки – храм.

Идет война казны и мира. Строгости и закона с любовью и семьей. Вот именно – приют “Никита” – это семья, и государству не должно быть дела до того, сколько в семье туалетов – лучше посмотрите, сколько у них нижнего и верхнего белья, сколько хорошей обуви и качественных пальтишек и как они учатся в обычной школе? А главное – их душевное настроение!

И вот опять спрошу себя и всех, кто к этому причастен: почему инструкция, закон и русские люди, которые вроде искренне требуют их исполнения, но в своем служебном усердии не понимают других, милосердных русских людей, а детей угнетают: ведь готово решение о закрытии приюта на 90 дней, что означает его фактическую ликвидацию. Куда детей-то? В казенный детдом. В учреждение.

В маленьком зеркальце “Никиты” отражается немалая философия: закон (а точнее-то подзаконные акты) по-прежнему важнее человека, важнее судьбы ребенка, ущемляя его интересы и попирая милосердие и не позволяя доброте осуществиться.

* * *

И я, и Детский фонд, и 368 семей российских, наших потрясающих волонтеров, создавших семейные детские дома, в полной мере и каждый день вот уже 19 лет подряд испытываем на себе это расхождение. Одни, эти наши родители-воспитатели, спасают брошенных детей. Другие – а это множество мелких служаков из органов опеки и попечительства и местной исполнительной власти – этому спасению изо всех сил мешают. И основание только одно – отсутствие Закона о семейном детдоме.

Заметим, что гражданское движение в виде семейных детских домов состоялось, оправдало себя – вне учрежденческих форм. И есть результат: три с лишним тысячи детей воспитаны, вылечены, спасены морально, получили образование. Только с двадцатью ребятишками (генетика, отягчающие обстоятельства, неисправимый срыв) не вышло, не получилось.

И нужно-то этим взрослым было только одно от государства: за воспитание 5 приемных детей (и гораздо больше!) – всего-то общепринятый социальный пакет, признающий этот труд работой, а как следствие – стаж, пенсию, больничный лист и т. п.

Однако этого государству жаль. Никак не желает оно признать спасение не одного, а группы сирот, сопровождение их до взрослости (и во взрослости – тоже; но это уже за пределами взгляда) – трудом.

Между тем приют при Никитском храме должен быть – по уму и сердцу – именно семейным детским домом. Он таков и есть. Но при одном условии – семья обычная, и церковная тоже, не может быть государственным учреждением. Это семья, со всеми вытекающими ее обязательствами, но при социальной поддержке государства.

Обращаюсь (в который раз!) к законодателям: примите короткий, но внятный закон о семейном детском доме и дайте волю доброте гражданского мира. Где, как не у граждан, искать и находить эту доброту? Кто, как не они, много раз доказали Отечеству свою любовь к нему – не словами, а поступками.

* * *

Еще одна важная тема. Она касается и детей, и особенно стариков, но про них – отдельная забота. Зрители и читатели, наверное, не остались равнодушны к сюжетам, когда маленьким брошенным детям в больницах заклеивали рот скотчем, в собесовский интернат с трудом впускали уполномочен-

ного по правам человека – там неходячие больные, психически страдающие дети сгнивают от пролежней и грязи, потому что женщины (увы, женщины), их обихаживающие, устали, привыкли, стали бессердечными.

Честно говоря, милость и практическую возможность этой милости я вижу не просто в верующих, а в монашестве и, прежде всего, женском. Нет, не напрасно, а по житейскому велению раньше приюты и богадельни были у церкви. Не зря и сейчас служение детям во многих европейских проектах построено на монашеском принципе самоотречения во имя других – таким пожизненным самоотречением приемных матерей наполнена светская австрийская модель “Киндердорф-SOS” – деревень для сирот Германа Гмайнера.

Ну почему бы не распахнуть широко двери больниц, сиротских заведений, хосписов, но особенно учреждений для детей покинутых и больных – женскому монашеству. Скажут – и говорят! – церковь отделена от государства. Боятся церкви. А она – спасительна всегда. Особенно же когда человек беспомощен, болен, мал, одинок, и надобно его спасти не по службе, не за зарплату, но по сердечной, Божеской уверенности в святости этой поддержки.

* * *

Хочу безоглядно поддержать тезис президента о духовном единстве и моральных ценностях. О том и другом мы перестали говорить и думать всерьез в последние годы. Теория – и практика – единства, построенного на труде, терпимости, любви, милосердности, перед ликом денег оказываются персонажами едва ли не юродивыми. Конечно, трудно требовать терпимости от нижнего звена прокуратуры, но включите тогда здравый смысл перед тем, как принимаете решение на 90 дней закрыть приют “Никита”, а то ведь невольно приходит мысль: общая надзорная функция прокуратуры требует надзора за самой прокуратурой.

Да, и это, пожалуй, имел в виду президент, все повторяя и повторяя миру слова о правах гражданского общества. Но какие, у этого общества, инструменты? Увы, их нет.

Кроме слов.

Так пусть же хотя бы эти мои слова станут не только адвокатской речью в защиту церковных и монастырских приютов и семейных детских домов для покинутых детей, не только призывом к государству смелее распахнуть двери для профессионально подготовленного монашества в места нашей народной печали. Но и голосом в поддержку президентского воззвания, обращенного ко всем: духовное единство на основании моральных принципов.

Он прав! Это важный фактор развития!